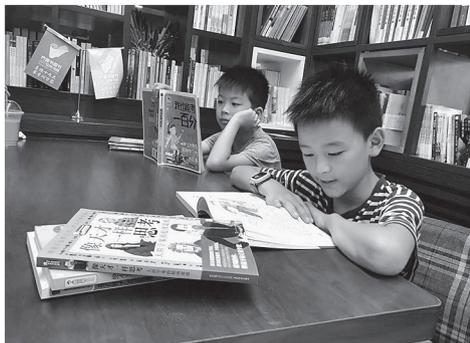


М. Костюхина

ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Отправляясь за экзотикой в детскую литературу Китая, мы во многом обманываемся в своих ожиданиях. Оказывается, между книгами для детей, изданными в России и Китае во второй половине XX в., много общего. Это не случайно, ведь речь идет о произведениях, написанных в странах с похожим общественно-политическим строем и попытками его перестройки, а детская литература восприимчива к господствующим идеям, педагогическим практикам, политическим догмам. Они дают о себе знать в устойчивых литературных формах, которые легко тиражируются, пересекая границы национальных литератур.

Россия и Китай связаны давними отношениями, в которых было место и многолетней дружбе, и затяжному охлаждению, что нашло отражение в детской литературе Китая. Большое место в круге чтения китайских детей занимали произведения советских детских писателей: Л. Пантелеева, Б. Житкова, А. Гайдара. Написанные в 1930-е гг., они долго сохраняли романтику подвига и пафос борьбы за справедливую жизнь. О том, какую значительную роль советская литература играла в чтении китайского школьника еще два десятилетия назад, свидетельствуют воспоминания Чжоу Юйчжи. Первым самостоятельным чтением девочки был отрывок из книги Н. Островского «Как закалялась сталь», а затем и вся книга. Чтение перевода советского романа определило становление ее личности и выбор профессиональной деятельности будущей учительницы. Читательская история Чжоу Юйчжи не является исключением, хотя сам факт глубокого переживания китайским ребенком литературной судьбы героя-комсомльца впечатляет¹. Специалисты по вопросам чтения в современном Китае свидетельствуют: роман «Как закалялась сталь» (роман переиздавался в Китае больше тридцати раз) и другие произведения героической тематики были основным чтением китайских подростков до начала 1990-х гг., да и теперь сохраняют свою привлекательность.



Школьник 5-го класса читает книгу в Доме книги Шаньдун города Цзи наня (фотограф Лю Юаньюань)

Отрывки из романа Н. Островского продолжают включать в школьные хрестоматии, а по сюжету книги несколько лет назад был снят двадцатисерийный телевизионный фильм².

Советская литература напоминает о себе в Китае не только в переводах. Сама китайская детская книга — продукт во многом заемный, сделанный под непосредственным воздействием советской литературы. Наиболее востребованной оказалась военно-революционная повесть для подростков. Китайским писателям не надо было воссоздавать военные ситуации по чужим стандартам — их хватало в избытке в драматической истории Китая XX в., пережившего войны и революции. Но литературный образ ребенка-борца строился во многом под влиянием советской литературы. Дети-герои изображаются участниками войны с японскими интервентами и гоминьдановским режимом (события 1940-х гг.). Бесстрашный маленький китаец, непременно сын шахтера или крестьянина, мстит за погибших родителей и сражается за свободу своей родины. Он становится сыном полка в партизанском или военно-революционном отряде. Иногда такие юные мстители объединяются в детскую бригаду. Подобные команды действуют не только на полях войны, но и на сельскохозяйственных угодьях. Сменив винтовки на мотыги, дети и подростки борются уже не с интервентами, а с голодом — самым страшным врагом Китая. И если в образе юного воина есть известное преувеличение, то работающий на рисовом поле ребенок и подросток — типичная картина из китайской действительности XX в. К необходимости тяжелого труда призывала вслед за жизнью китайская литература для детей³.

Поскольку китайские книги для детей и подростков писались по советским образцам, их переводы органично вписывались

в героическую тематику советской детской литературы (Го Сюй «Пионеры командарма Яня», 1956; Да Цюнь «Маленький шахтер», 1960, Цзе Сянь минь «Вот мы какие», 1962 и др.). Наиболее активными литературные контакты между китайской и советской литературами были в 1950-е гг. — время великой дружбы.

Конец этой дружбы не означал гибели жанра героической повести. Тема народного мстителя не только была «подсказана» советскими писателями, но и имела глубокие корни в китайской культуре с ее пафосом борьбы за справедливость и равенство (еще Конфуций писал: «В пределах четырех морей все люди — братья»). В средневековом китайском романе Ши Най аня «Речные заводы» воспеваются благородные разбойники, жестокие по отношению к богачам и милосердные к беднякам. Каждому китайскому ребенку хорошо известен рассказ об одном из этих разбойников — богатыре У Суне. Он задушил голыми руками могучего тигра-людоеда и так же бесстрашно расправлялся с угнетателями. Средневековый герой груб и порою жесток, но в каждом его поступке видится возвышенный смысл: «Я всегда борюсь с людьми безнравственными; если встречаю на пути несправедливость, я тут же выхватываю меч, чтобы оказать помощь; я не боюсь даже смерти». Меч выхватывает не только У Сун, то же делают и все 108 благородных разбойников. В созданной ими империи на горе Ляншаньбо нет места несправедливости, а все народные мстители соединены небесной клятвой: «Мы клянемся! Пусть небо и земля казнят самой лютой смертью того, кто забудет добродетель и будет попираť великое дело справедливости! Пусть все боги обрушатся на него, и пусть он нигде в течение десяти тысяч столетий не вернется к человеческой жизни!». Пройдут века, и самому великому народному мстителю в истории Китая, председателю Мао, будут желать десять тысяч лет жизни.

Красные галстуки юных мстителей в литературе коммунистического Китая напоминали о желтых повязках народных повстанцев. Те и другие борются за торжество справедливости в Поднебесной. Поэтому так популярна героическая повесть у современных школьников — как о пионерах-героях, так и средневековых разбойниках. Десятки пересказов, комиксов, популярных переложений многомого эпоса вошли в чтение китайских детей. Детский сокращенный пересказ «Речных заводов» был сделан и для советских читателей (Ши Най аня. Речные заводы. Л.: Детская литература, 1968).

Эпоха обновления и экономического роста, в которую вступил современный Китай, внесла в детскую литературу новые идеи

и новые темы. Актуальным становится культ национального прошлого, воплощенный не в усеченном виде народной борьбы, а в идеализированной картине императорского Китая. Пережив ужас культурной революции, Китай вернулся к тому, на чем стояла тысячелетняя китайская цивилизация, — прошлое не кончается, и в этом залог будущего. Хотя к детской литературе Конфуций или Лю Се, о которых идет речь в статье Ли Ицзиня, не имеют отношения, в творениях этих авторов китайскому профессору видится непреходящая основа для воспитания китайского студента⁴.

Литература, кино, театр, изобразительное искусство воссоздают в картинах и лицах историю императорского Китая. Героями детской литературы стали персонажи средневековых книг. Самая любимая из них — роман У Чэньэня «Путешествие на Запад», рассказывающий о путешествии буддийского монаха. В основе романа — исторический факт из эпохи Тан (VII в. н.э.): монах Сюаньцзан отправился в Индию, чтобы доставить оттуда в Китай священные буддийские книги. Реальный факт густо оброс народными легендами. Они, в свою очередь, стали сюжетами народных книг, из которых родилась многотомная книжная эпопея. Она полна фантастических приключений, волшебных превращений, всевозможной мистики. Их истоки — в древней китайской мифологии, даосской религии, буддийском культе. Танского монаха сопровождают фантастические существа: царь обезьян Сунь Укун, дух песка Ша Сэн и чудище с кабаньей головой Чжу Бацзе. Много страниц в эпопее уделено описанию проделок Обезьяньего Царя. Этот герой — подлинный трикстер, способный на разнообразные превращения (их семьдесят два) и наделенный бессмертием. Его хитрость и ловкость, ум и пронзительность доставляет много хлопот небожителям, и только вмешательство Будды ставит предел бесчинствам волшебной обезьяны. Но в качестве провозагого Сунь Укун незаменим. Он способен найти выход из любого положения, преодолеть любое несчастье, а их выпадает на долю бедного монаха девятью девять (восемьдесят одно).

Мифологический трикстер в китайском романе обладает мудростью божества (в буддизме обезьяна — символ разума). С буддизмом же связана идея мистического пути к истине, во время которого человек обречен на вечную борьбу с демонами. В пересказах для детей путешествие героев теряет свой философский смысл. Их путь — это прежде всего цепочка приключений и опасностей, но не только. В пересказе средневекового эпоса эти приключения

сохраняют достоверность мифологического прошлого. По сути дела, сложился жанр национального фэнтези, который так популярен в мировой литературе⁵. Но в этом жанре много интернационального — эпический мир древних легенд и сказаний, по сути дела, един. Поэтому так похожи китайский советник Чжугэ Лян, западноевропейский волшебник Мерлин и их наследник в литературе XX в. Гэндальф.

Среди новейших приобретений китайской детской литературы — комиксы, романы для девочек, детективы для мальчиков. Современный китайский ребенок — посетитель Макдональдса, фанат западной эстрады. Интернациональный продукт книжной индустрии отвечает новому стилю жизни. Это вызывает привычные для современных учителей (как в Китае, так и в России) жалобы на поверхностность чтения нынешних школьников. Образец читающей нации китайцы ищут теперь не в постсоветском пространстве, а в Японии. Отношения этих стран всегда были непростыми, но умение восточного соседа сочетать массовую культуру с национальными традициями (аниме) вызывает в Китае восхищение⁶. В свою очередь, российские поклонники традиционализма считают образцовой китайскую модель общества. Обращение к Китаю как примеру для подражания стало причиной активного переиздания китайских сказок (часто в отвратительных переделках, далеких от китайской народной прозы). Зато «Путешествие на Запад», самая популярная у китайских детей книга, в русских изданиях, адаптированных для детского чтения, так и не появилась, а именно с этого, видимо, следует открывать китайскую культуру для читающих россиян.

Примечания

¹ Есть много причин, объясняющих факт восприятия Павли Корчагина в Китае как народного героя. Не последнюю роль играет акцент на физических страданиях Павли, его болезненности. Сошлемся на мнение современного исследователя китайской литературы: «Не только героизм, но и бесконечная китайская любовь к безнадежно больным в силу несправедливости жизни, каким был Николай Островский, и забота о нуждающихся, сделали писателя и главного персонажа его творчества культовым, непреходящим» [Петухов 2014, с. 82].

² Там же. С. 83.

³ Советскому изданию повести Го Сюя «Расправьте крылья» (М., 1957) предшествует аннотация: «Ван Хэ вырос в деревне. Благодаря народной власти юноша получает возможность кончить городскую школу. “Стоит ли теперь возвращаться к крестьянскому труду?” — думает Ван Хэ. Жизнь убеждает его в том, что в новой китайской деревне он может найти применение своим силам и способностям» (стр. не нум.). Найти применение своим силам в колхозной деревне призывали молодежь авторы советских повестей 1950-х гг.

⁴Нынешние китайские писатели по-разному реагируют на государственную реставрацию конфуцианской идеологии. Ван Сяобо в статье «В чем главная беда интеллигенции» рассказал эпизод из жизни своего дяди, директора школы. Тот часто наставлял учеников примерами сыновей почтительности из конфуцианской классики. В период культурной революции школьники заставили учителя отогревать своим телом лед, как это сделал почтительный сын в назидательном рассказе. Ван Сяобо, не оправдывая озверевших школьников, тем не менее иронизирует над пристрастием педагогов использовать Конфуция в воспитательных целях [Китайские метаморфозы 2007, с. 470].

⁵Сказочно-мифологический материал лег в основу поэмы Жуань Чжанцзина «Золотая раковина» (1956), написанной для детского чтения.

⁶Комиксы стали использовать в Китае для пропаганды идейно-значимых текстов в 1970-е гг. Были выпущены книжки-картинки по роману М. Горького «Мать» и роману Н. Островского «Как закалялась сталь» (Попов 2012: 386). Факт их появления объясняется не только низкой грамотностью молодежи в результате «культурной революции» (как справедливо утверждает исследователь), но также особой ролью народной картинки в культуре Китая.

Источники

Болотина О. П. Современная китайская литература: Худож. тексты: [Учеб. пособие]. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 1985.

Китайские метаморфозы: современная китайская художественная проза и эссеистика/сост. и отв. ред. Д. Н. Воскресенский. М: Восточная литература, 2007.

Петухов С. В. Русская литература в диалоге с китайским читателем. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2014.

Попов О. П. Китайская литература: [справочное пособие]. М.: АРТРАКС, 2012.

Рогачев А. П. У Чэньэнь и его роман «Путешествие на Запад». Очерк. М: Наука, 1984.

Чжан Синьсинь, Сан Е. Голоса из Китая. Двадцать два интервью. Пер. с кит. Предисл. и сост. В. Сорокина. М.: Известия, 1989.

Scott D. H. Chinese Popular Literature and the Child. Chicago: American Library Association, 1980.